

Испытание театром

Швейцарский спектакль еще раз доказал, что сцена становится вещью в себе

«Первая любовь» — одна из первых вещей Беккета. Речь в ней уже идет об абсурдности бытия, но само бытие еще вполне конкретно, и действие происходит не вне времени и пространства, а где-то во французской провинции. И герой не ходячая идея, а человек из плоти и крови: влюбившийся в проститутку бомж, удирающий из ее дома в страхе перед будущим отцовством.

Известия, — 2001, — 5 нояб. — с. 9

Алексей ФИЛИППОВ

Беккета можно поставить так, что зал будет хохотать. А можно погрузить его в философскую дрему. Режиссер Жан-Мишель Мейер, выпустивший «Первую любовь» в театре «Види-Ло-

занн», выбрал среднюю дорогу — где-то зал прыскает, где-то ерзает и поглядывает на часы. Но чего еще можно ждать от моноспектакля, когда актер честно рассказывает залу о приятных кладбищенских запахах и звуках, с которыми лопаются несвежие коровьи лепешки?

Жан-Мишель Мейер и Жан-Канген Шатлен, играющий главного (и единственного) героя, побаловали зрителей Театра наций сеансом художественного чтения. В своем жанре зрелище получилось весьма достойным — беда в том, что московский зритель от такого театра отвык. Знакомство с ним оказалось не вполне удачным: несмотря на то, что постановка была достаточно грамотной, а актер неплохим. В Москву приехал приличный, ровный, благородно-скучный литературный спектакль — это обстоятельство поз-

воляет порассуждать и на отвлеченные темы.

О том, например, что театр, испокон века бывший народным, массовым и демократичным зрелищем, в последнее время становится вещью в себе. В иных своих проявлениях он вполне мог бы прожить и без публики — спектакли ставятся на гранты, аудитория съезживается, театральное зрелище обращается к избранным. Еще можно было бы поговорить о судьбе живого искусства в век электронный, о том, что театр, много лет выдерживавший натиск кино и

телевидения, сейчас находится на распутье. Кто-то ставит драматические шоу, кто-то — камерные, лабораторные спектакли. В России они, как правило, согреты внутренним теплом (обаяние, атмосфера, жизнь духа, далее везде — от Фоменко к Станиславскому). Западные постановки говорят другим языком — они обращаются не к чувству, а к разуму. Именно такой, холодноватый, отстраненный, принципиально не увлекательный спектакль привез в Москву театр «Види-Лозанн» — и зрители мужественно выдержали это испытание.